

ЭЛОИЗА
ДЖЕЙМС

Она ждала
в замке...

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д40

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Eloisa James

ONCE UPON A TOWER

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств InkWell Management LLC и Synopsis.

Джеймс, Элоиза.

Д40 Однажды в замке... : роман / Элоиза Джеймс ; [пер. с англ. Т.А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-088316-5

Прелестной дочери графа Гилкрита Эдит и Гауэйну, молодому герцогу Кинроссу, казалось, суждено было стать прекрасной парой: они страстно любили друг друга и под венец шли с радостью и надеждой на будущее.

Однако долгожданное супружество оказалось отнюдь не безоблачным. С первых дней брак был омрачен взаимными обидами и непониманием, и вскоре Эдит и Гауэйн уже почти ненавидели друг друга.

Все кончено, толком не начавшись, и обоих супругов ждет лишь боль и одиночество? А может, под пеплом обид и разочарований еще тлеют угольки былой страсти и нужно лишь немного нежности и доверия, чтобы они вновь разгорелись в пламя большой любви?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-088316-5

© Eloisa James, 2013
© Перевод. Т.А. Перцева, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

2 мая 1824 года

Лондон, Керзон-стрит, дом 20

Особняк графа Гилкреста

Гауэйн Стантон из Крэгивара, герцог Кинросс, вождь клана Маколей, по возможности избегал общества англичан, считая их безмозглыми болтунами и сплетниками, как часто говаривал его отец. Хотя Шекспир утверждал это до него.

Но, тем не менее, в этот момент он входил в бальный зал — в самом сердце Лондона. И это вместо того, чтобы предаваться любимому занятию: закидывать удочку в бурные воды горного ручья. Таков неприятный, но безусловный факт жизни — или его жизни, во всяком случае: охота на невесту важнее ловли форели.

Не успели объявить о его прибытии, как стайка молодых женщин, широко улыбаясь, порхнула к нему. По его мнению, все они выглядели так, словно страдали запором. Хотя улыбки, возможно, были механической реакцией на его титул. Что ни говори, а он — холостой аристократ, вполне владеющий конечностями, то есть молодой и здоровый, и к тому же богатый. Да и волосы... волос у него больше, чем у многих англичан. Не говоря уже о замке, которым он владел!

Хозяева дома граф Гилкрест и леди Гилкрест ожидали у подножья лестницы, так что незамужние девицы не сразу набросились на Гауэйна. Стантон любил Гилкреста: тот был строг, но справедлив и имел вид задумчивый, почти как у шотландцев. В отличие от многих джентльменов оба интересовались финансовыми делами, и граф был чертовски хорошим инвестором. Поскольку Гауэйн являлся членом

правления «Банк оф Скотленд», а Гилкрист занимал такой же пост в Банке Англии, последние два года они постоянно переписывались, хотя встречались редко.

— Ваша светлость, могу я представить свою жену графиню Гилкрист? — спросил граф, выводя леди вперед. К удивлению Гауэйна, графиня оказалась значительно моложе мужа. На вид ей не было и тридцати. Более того, у нее были чувственные полные губы, а полные груди обрамлял глубокий вырез розового шелкового платья. Судя по внешности, она являлась одной из тех аристократок, которые подражали манере поведения балетных плясуний.

Гилкрист же очень напоминал сурового церковного старосту. Вряд ли они гармоничная пара: муж и жена должны дополнять друг друга по возрасту и интересам.

Графиня рассказывала о своей падчерице Эдит, поэтому Гауэйн поклонился и выразил бесконечное удовольствие от идеи знакомства с молодой леди.

«Эдит. Какое ужасное имя! Очень пристало бы беспечной болтушке. Пустой орех... вислоухая англичанка».

Леди Гилкрист неожиданно оперлась на его руку и попросила проводить в соседнюю комнату для приемов. Бедняга едва не сбежал. В детстве ему пришлось терпеть слуг, постоянно крутившихся рядом, поправлявших его одежду, касавшихся шеи, вытиравших рот. Но с тех пор как ему исполнилось четырнадцать, больше не приходилось терпеть подобных фамильярностей, разве что в случае крайней необходимости.

Поскольку Гауэйн очень мало времени проводил один, то предпочитал воздвигать барьер между собой и миром. Он не жаловался на отсутствие личной жизни. И чувствовал, что зря тратит время, если, к примеру, одеваясь, не слушает доклада секретаря. А Гауэйн больше всего на свете ненавидел пустую трату времени. По его мнению, жизнь и так слишком коротка, поэтому нельзя допускать, чтобы все прекрасные моменты пошли прахом.

И будет сущей глупостью притворяться, будто эти моменты бесконечны и вечны, что, по его мнению, случалось, когда люди подолгу лежали в ванне или часами читали какие-то стихи. В его привычке было делать одновременно как можно больше дел.

Собственно поэтому Гауэйн и попал на этот бал: прежде чем завтра отправиться в Брайтон на встречу с группой банкиров, он хотел узнать мнение Гилкреста относительно выпуска банкноты в один фунт. К тому же Гилкрест давал бал, на который непременно приедут молодые леди. У Гауэйна была острая — не отчаянная, а именно острая, — необходимость обзавестись супругой.

Следовательно, появилась возможность убить двух зайцев одним выстрелом. Правда, Гауэйн предпочитал убивать за раз трех или четырех, но иногда приходится довольствоваться меньшим.

Единственная проблема заключалась в том, что комната была битком набита англичанками, а он давно решил, что жениться на англичанке — идея не из лучших. Однако у шотландского дворянина всегда найдется веская причина связать себя родственными узами с одним из знатных английских домов.

Но правдой было и то, что английская девушка... это английская девушка. Всем известно, что это наглая раса. Здешние аристократки не делали ничего, лишь цедили бесконечные чашки чая целые дни напролет, в то время как их шотландским сестрам на севере ничего не стоило управлять поместьем с тысячью овец и одновременно растить четырех детишек.

Например, его бабушка без нытья и жалоб работала с рассвета до заката. Если нужно было что-то читать, она всегда говорила, что чтение должно служить обогащению ума. Библия и Шекспир, а для легкого чтения — эссе Монтеня. Покойная невеста Гауэйна была выплавлена из того же металла, что в принципе неудивительно, учитывая, что бабушка сама устраивала этот брак. Мисс Розалин Партридж умерла от лихорадки, которой заразилась, навещая бедных... в ее случае добродетель так и не получила вознаграждения.

Гауэйн считал, что основными качествами невесты должны быть прилежание и усердие (кроме очевидных: красоты, девственности и хорошего происхождения). Будущая герцогиня Кинросс не должна тратить время зря.

Леди Гилкрест потащила Гауэйна через весь бальный зал в помещение поменьше. Быстрый осмотр комнаты показал, что с точки зрения богатства или титула ни один холостой

мужчина, присутствующий здесь, не мог тягаться с ним. Собственно говоря, во всем Лондоне может найтись трое достойных ему соперников.

Так что, строго говоря, необязательно тратить время, ухаживая за будущей женой, как только он ее выберет. Рынок невест ничем не отличается от других рынков, и когда Гауэйн найдет подходящую, просто перекупит ее у остальных претендентов.

Графиня отвела его в сторону. Они остановились перед молодой леди, которую она представила как свою падчерицу.

Этот момент стал одним из тех, что отделяют прошлое от настоящего и навсегда изменяют будущее. Леди Эдит было не место в душном английском бальном зале. Светилось в ней нечто потустороннее, словно она мечтала о доме под холмом, где обитали феи. Глаза казались зелеными прудами, такими же глубокими и темными, как шотландские озера в бурю.

Она могла похвастаться восхитительными изгибами, а волосы блестели, как золотые яблоки солнца. Они завивались буклями и локонами, и все, что теперь желал Гауэйн, — это распрямить их и любить эту леди на постели из вереска.

Но именно эти глаза манили герцога, хотя смотрели на него с учтивым безразличием, мечтательной безмятежностью, без малейшего признака лихорадочного энтузиазма, с которым его обычно рассматривали незамужние молодые дамы.

Гауэйн не считал себя человеком, склонным к плотским желаниям. Герцог, по его мнению, не имел права поддаваться похоти. Он с насмешкой наблюдал, как его знакомые джентльмены падают к ногам женщин с кокетливыми улыбками и округлыми ягодицами. Он испытывал к ним жалость, как сейчас, при виде графа и его цветущей жены. Но в этот момент стоило лишь взглянуть на леди Эдит, как любовь и ее спутница-поэзия возымели смысл. На память пришла строчка стихотворения, словно написанная для этого мгновения:

Я красоты не знал до этой ночи*...

* Строфа из монолога Ромео.

Возможно, и Шекспир иногда на что-нибудь годился.

Розовые губки леди Эдит сложились в улыбку. Низко присев, она наклонила голову:

— Ваша светлость, какое удовольствие познакомиться с вами.

Для Гауэйна графиня словно перестала существовать. Мало того, зал, полный людей, слился со стенами.

— О, удовольствие целиком мое, — возразил он, не кривя душой. — Могу я иметь честь пригласить вас на танец?

Он протянул руку. Сей жест был встречен без особого энтузиазма, но со сдержанностью, привлекавшей его так же сильно, как оттолкнула бы готовность. Гауэйн хотел одного: заставить эти безмятежные глаза светиться для него, видеть в ее взгляде восхищение, даже обожание.

Леди вновь наклонила голову и взяла его руку. Ее прикосновение жгло даже сквозь перчатки, словно согревая некую часть его души, которая до сих пор была холодна. Вместо того чтобы поморщиться, он боролся с порывом притянуть ее ближе.

Эдит танцевала грациозно, как морская волна. И все время молчала.

В танце приходилось отстраняться и отдаляться. Пара оказалась в другом конце зала, и тут до Гауэйна дошло, что они до сих пор не обменялись ни словом. Он не мог вспомнить ни одного человека, который был бы столь же молчалив в его присутствии. И все же она, очевидно, не испытывала ни нужды, ни склонности говорить с ним. Ему же и молчание казалось приятным.

Гауэйн осознал, что испытывает огромное удивление.

Они повернулись и стали продвигаться обратно. Он пытался придумать, что сказать, но на ум ничего не приходило. Герцог овладел искусством вежливой беседы и мог несколькими, прекрасно выбранными словами успокоить целую гостиную, полную людей, взбудораженных его присутствием.

Но по его мнению, молодые леди не нуждались в поощрениях. Обычно они лихорадочно улыбались, болтали глупости, а их глаза посылали сверкающие послания в его сторону. Гауэйн был отнюдь не глупцом. И понимал, что жизнь только сейчас преподнесла ему само совершенство. Все в Эдит было изысканным: ее непринужденное молчание,

ее безмятежность, ее очаровательное лицо, манера танцевать так, словно ноги едва касались земли.

Из нее выйдет идеальная герцогиня Кинросс. Гауэйн уже представлял портреты, которые закажет: сначала только герцогини. Потом второй из четырех или пяти: он предоставит ей решать вопрос о количестве детей. Но первый будет висеть над каминной доской в величественной гостиной.

Танец закончился — заиграли вальс. Леди Эдит присела перед ним.

— Вы окажете мне честь протанцевать и этот танец?

Его голос лишился обычного размеренного тона и звучал взволнованно.

Она подняла на него глаза и тихо ответила:

— Боюсь, что этот танец обещан лорду Бекуиту...

— Нет, — отрезал Гауэйн, хотя прежде никогда не поступал так неучтиво.

— Нет?

Глаза Эдит слегка расширились.

— Этот вальс мой.

Стантон протянул руку. Леди чуть помедлила и снова вложила в его ладонь свою. Осторожно, словно укрощая птичку, он положил вторую руку ей на талию.

Кто бы мог подумать, что вся эта романтическая чепуха о том, что прикосновение возлюбленной обжигает, окажется правдой?

Пока они танцевали, Гауэйн смутно сознавал, что все собрание глазееет на них. Герцог Кинросс два раза подряд танцует с дочерью Гилкреста! К утру новость облетит весь Лондон.

Но Гауэйну было все равно. Сердце билось в такт музыке, пока он изучал Эдит. Пристально. Черту за чертой. Она была абсолютно восхитительна. Губы такой формы, точно у нее в запасе поцелуй или улыбка, которых она никогда никому не дарила.

Их ноги двигались в идеальной гармонии с музыкой. Гауэйн в жизни не танцевал лучше. Они вальсировали, как искры, выброшенные пламенем, но по-прежнему не произносили ни слова.

Ему пришло в голову, что слова и не нужны: они беседовали языком танца.

У Гауэйна зародилась еще одна мысль: он никогда не создавал, как одинок. До этой минуты.

Когда последние аккорды вальса замерли, он поклонился партнерше, и снова выпрямившись, обнаружил рядом выжидавшего Бекуита.

— Герцог, — начал тот, с отчетливым холодком в голосе, — по-моему, вы ошиблись: этот танец был обещан мне.

Он с видом несправедливо обиженного выставил локоть в сторону леди Эдит.

Та повернулась к Гауэйну с вежливой прощальной улыбкой и положила ладонь на стиб руки Бекуита.

Гауэйн сторал от нетерпения. Он шотландец и не понимает подобного рода учтивости, особенно между мужчиной и женщиной. Он хотел показать ей, что чувствует. Увлечь за колонну, сжать в объятиях и поцеловать.

Но она не его жена... пока. А до тех пор придется следовать правилам.

Он наблюдал, как его будущая жена идет к танцующим под руку с виконтом.

Гауэйн был богаче Бекуита. И красивее. Если только Эдит не предпочитает худых, как щепка, мужчин. Да и нельзя сказать, чтобы она смотрела на него с желанием во взоре.

Но конечно, никто не захочет иметь откровенно сладострастную жену. Его дед встретил бабушку на званом обеде и сразу понял, что та станет следующей герцогиней, хотя в то время ей было только пятнадцать, и для своего возраста она отличалась застенчивостью. Кому придет в голову пожелать, чтобы будущая или настоящая герцогиня искала внимания чужих мужчин?

Гауэйн решил вернуться на следующее утро с визитом. Такова была часть ритуалов ухаживания в Англии. Повезти ее на прогулку, а потом попросить у отца руки дочери.

Как только он все решил, отвел в сторону графа и затронул тему фунтовых банкнот. Закончив дело, Гауэйн сказал:

— Я заеду завтра нанести визит вашей дочери, прежде чем ехать в Брайтон, и обсудить наши выводы с «Помфриз-банк».

В глазах графа Стантон увидел одобрение. Очевидно, тот пригласил герцога на этот бал по причинам, не имевшим ничего общего с тем, обеспечит ли правительство банкноты золотыми соверенами или нет.

В эту ночь Гауэйн больше ни с кем не танцевал. Не имел желания, и уж точно не хотел стоять у стены и наблюдать, как Эдит танцует с другими. При этой мысли зубы сжимались сами собой.

Ревность была причиной краха многих его соотечественников, поскольку являлась обратной и темной стороной их величайшей добродетели — преданности. Шотландец верен до самой смерти. В отличие от ветреных английских мужей он никогда не отвернется от избранной жены в поиске других постелей.

Все же Гауэйн знал, что он чертовский собственник, ставящий преданность выше всех других качеств. Ревность сожрет его заживо, если он станет наблюдать, как Эдит переходит от одного мужчины к другому, прежде чем на ее пальце появится кольцо, которое возвестит всему миру, что она принадлежит ему.

Хотя метка Стантона на ее сердце — это куда лучше.

К тому же будет ненужной тратой времени стоять и втайне рычать на поклонников Эдит, а Гауэйн был не из тех, кто тратит время.

Вместо этого он отправился домой и написал лондонскому поверенному Дживзу письмо, в котором объяснял, что намерен в ближайшем будущем жениться, и приказывал составить брачный контракт. Возможно, бедняге Дживзу так и не удастся поспать этой ночью. Гауэйн мысленно велел себе не забыть послать ему вознаграждение.

Стантон поднялся на рассвете и провел за работой несколько часов. После сна его решение насчет леди Эдит не изменилось. Впрочем, он не помнил случая, когда менял свои решения.

Когда прибыл осунувшийся и бледный Дживз, Гауэйн стал сосредоточенно расспрашивать о пунктах брачного контракта. Он вместе с поверенным составил документ, хотя поверенный нервно заявил, что считает закрепленное за будущей женой имущество слишком щедрым.

— Леди Эдит будет моей герцогиней, — напомнил герцог. — Станет моей лучшей половиной. Зачем мне скупиться на то, что она унаследует после моей смерти, или на то, чем будет наслаждаться при моей жизни? Мы, шотландцы, не обращаемся с нашими женщинами так неуважительно, как

делаете вы, в этой стране. Даже если у нас родится всего одна дочь, она унаследует все мои владения.

Должно быть, Гауэйн был готов ощериться. Потому что Дживз громко сглотнул и закивал.

К этому времени Стантон уже опаздывал, черт побери! Через два часа он должен быть в экипаже, выезжающем из Лондона, поскольку в Брайтоне будет ждать куча банкиров.

Приказав своим слугам следовать в другом экипаже, он велел кучеру направиться в дом на Керзон-стрит. Дворецкий Гилкривост взял у посетителя плащ, сообщил, что графиня и леди Эдит вскоре выйдут к гостям, и открыл дверь в большую роскошную гостиную, которая в настоящее время походила на клуб джентльменов. Мужчины были повсюду, в окружении бутоньерок и букетов, все весело пересмеивались. Каким бы невероятным это ни казалось, но в углу играли в пикет.

Гауэйн был знаком примерно с половиной присутствующих. Тут присутствовал и Бекуит в кричащем оранжевом камзоле с аляповатыми пуговицами. Неподалеку сидел лорд Пимроуз-Финсбери, сжимавший изяшный букетик фиалок.

Гауэйн досадливо поморщился: ему в голову не пришло послать кого-то на Ковент-Гарден, купить розы или что-то в этом роде.

— Если соизволите присоединиться к утренним визитерам, ваша светлость, — сказал дворецкий, — я немедленно подам напитки.

Но Стантон повернулся и направился к выходу.

— Возможно, ваша светлость предпочтет оставить карточку? — осведомился дворецкий.

— Я бы предпочел поговорить с лордом Гилкривостом. Когда был дебют леди Эдит? — напрямик спросил он.

Брови дворецкого дернулись, но он сдержался.

— Прошлой ночью. Прошлой ночью случилось ее первое появление в обществе.

Очевидно, Гауэйн был не единственным, кто с первого же взгляда возжелал обладать Эдит. Но теперь он точно знал, почему Гилкривост пригласил его на бал. Таким образом, граф предлагал ему руку дочери. Если Стантон примет это безмолвное предложение, других соперников у него не будет.

— Я хотел бы поговорить с его милостью, если он свободен.

Он не просил. Гауэйн никогда никого не просил — он объявлял. Разницы никакой не было, потому что он всегда получал желаемое. И в «просьбах» было нечто недостойное.

Герцоги, по его мнению, не просили — только утверждали.

И у него было такое чувство, что просить руки леди Эдит тоже не придется.

Глава 2

Как ни странно, именно лихорадка превратила леди Эдит Гилкрест в величайший успех сезона, что позволило ей заполучить руку (и предположительно, сердце) самого герцога Кинросса. Не будь Эди так ужасно больна в вечер дебютного бала, возможно, не оказалась бы его королевой. Но поскольку голова была, как пустой котел, все, на что она была способна, — бродить по залу и улыбаться.

К середине бала она успела потанцевать с каждым завидным женихом на брачном рынке и дважды с герцогом Кинроссом, лордом Бекуитом и лордом Менделсоном. В этот момент Лила, ее мачеха, поймала девушку за руку и шепнула, что леди Гарси объявила ее самой очаровательной дебютанткой сезона. Очевидно, королева патронесс «Олмак» не обратила внимания на тот факт, что в свои девятнадцать Эди считалась безнадежно старой.

Наутро, к тому времени как Эдит появилась в отцовской библиотеке, щеки ее были белее платья, но переговоры касательно ее будущего уже завершились.

Она держала глаза опущенными (чтобы скрыть тот факт, что они налиты кровью), улыбалась, когда к ней обращались, и сказала только:

— Конечно, отец.

И еще:

— Для меня большая честь стать вашей женой, ваша светлость.

— Говоря по правде, Эди, — провозгласила Лила через пять минут после ухода Кинросса, когда уводила падчерицу в спальню, — твоя лихорадка была послана крестной мате-

рю-феей, о которой забыл упомянуть твой отец. Кто бы подумал, что ты поймашь герцога?!

Этот герцог был шотландцем, что несколько снижало ценность титула, но если верить Лиле, тот факт, что Кинросс владел самым огромным поместьем во всей Шотландии, делал его почетным англичанином и самым желанным женихом на брачном рынке.

Эди только застонала и упала на кровать лицом вниз. Голова раскальвалась, она была очень слаба и не вполне уверена, что запомнила лицо жениха. У него прекрасный голос, но он чересчур высок. Огромный. Но по крайней мере хоть не рыжий. Она терпеть не могла рыжих мужчин.

— Это не слишком добросердечно с твоей стороны, — пробормотала она в подушку.

— Ты знаешь, о чем я. Выглядела такой прелестной и бледной. И Мэри очень удачно придумала вплести в твои волосы жемчужные нити. И ты просто улыбалась, вместо того чтобы болтать. Это так привлекательно, во всяком случае для мужчин.

— Не считаешь, что он немного импульсивен? — промямлила Эди.

Лила раздвинула шторы и открыла окно. Эди любила свою спальню, большую и светлую, с окном, выходящим на задний сад. Но терпеть не могла, когда Лила садилась на подоконник, чтобы выкурить манильскую сигару.

— Не смей курить здесь эту вонючую гадость! — поспешно предупредила Эди. — Ненавижу этот запах! И я больна!

Даже лежа лицом вниз, она прекрасно сознавала, что Лила не обращает на нее внимания. Эди слышала, как она устраивается на своем любимом сиденье и зажигает сигару от свечи. Так она могла выдыхать дым в сад. Она ошибочно считала, что таким образом он не попадает в комнату.

— Меня может вырвать, — предупредила Эди, кладя щеку на прохладный островок подушки.

— Не вырвет, — отмахнулась Лила. — У тебя лихорадка. Не расстройство желудка.

Эди сдалась.

— Мой будущий муж либо довольно импульсивен, либо глуп. Я познакомилась с ним только вчера вечером и почти не помню, как он выглядит.

— Не импульсивный, а властный, — поправила Лила. — Решительный.

— Идиот.

— Ты прекрасна, Эди. И знаешь это. Ради всего святого, все общество это знает. Он, возможно, слышал о тебе задолго до вчерашнего вечера. Все говорят об Изысканной Эдит, которая, наконец, вышла в свет.

— Не забудь о моем Восхитительном Приданом, — кисло пробормотала Эди. — Это куда важнее, чем форма моего носа.

— Ему твое приданое ни к чему. Ты, видно, понятия не имеешь, сколько молодых леди пытались заполучить герцога. Он когда-то был помолвлен с девушкой из шотландской семьи... Кейпоны? Партриджи... не помню, что-то, связанное с названием дичи. Она умерла год назад, и с тех пор никому не удавалось его соблазнить. Конечно, несколько месяцев он носил траур.

— Как печально! Наверное, его сердце разбито.

— Судя по тому, что я слышала, они были помолвлены еще с колыбели или что-то в этом роде. И никто, включая герцога, не знал ее достаточно хорошо.

— Все равно я считаю, что это так грустно...

— Не будь столь мягкосердечной. Герцог, очевидно, позабыл об этом с той минуты, как вошел в бальный зал. Теперь его сердце принадлежит тебе.

Лила помедлила, почти наверняка для того, чтобы выдуть в окно кольцо дыма.

— Это довольно романтично, не думаешь?

— Герцог действительно признался в своих чувствах? Потому что мне он влюбленным не показался, хотя перед глазами все так плыло, что трудно сказать наверняка.

— У него на лице все было написано.

— Хорошо бы это оказалось правдой, поскольку во время танцев мы и словом не перемолвились.

Эди заерзала, пытаясь охладить горящую щеку об очередной участок подушки.

— Не размахивая сигарой! Дым идет в комнату.

— Прости.

Последовала секунда молчания, пока Эди размышляла, что хуже: умереть от инфлюэнцы или выйти за человека, чье лицо она не успела ясно разглядеть.

— Как он выглядит? — спросила Эди. — И позвони, чтобы пришла Мэри. Голова просто разрывается от боли.

— Я сделаю тебе холодный компресс.

— Нет, не смей отходить от окна, пока не докурила эту мерзкую штуку.

— В таком случае как, спрашивается, я должна позвать Мэри?

Даже лежа лицом вниз, Эди могла сказать, что Лила остается на подоконнике.

— У тебя нет настоящих материнских инстинктов, — пожаловалась она.

— Совершенно верно, — сухо заключила Лила. — Что к лучшему, учитывая обстоятельства.

После смерти матери Эди лорд Гилкрист много лет не женился, пока в тридцать шесть не потерял голову и не влюбился в Лилу. Эди не слишком жаловала мачеху, так и излучавшую чувственность, что и не нравилось тринадцатилетней девочке. Ей был отвратителен тот факт, что отец женился на двадцатилетней девице, чьи алые губы и точеная фигура казались Эди вызывающими.

Но года два спустя она однажды наткнулась на плачущую Лилу и узнала, как мучительно сознание того, что она не способна дать мужу наследника. За последующие годы они стали настоящими подругами. Увы, детей у Лилы так и не было, и позже она стала курить и вести себя несколько развязно.

— Мне не стоило этого говорить. Прости, — сказала Эди.

— Все в порядке. Возможно, из меня в любом случае вышла бы кошмарная мать.

— Вовсе нет. Ты милая и веселая, и если выбросишь сигару и сделаешь мне холодный компресс, я буду любить тебя вечно.

Лила вздохнула.

— Ты ее потушила?

— Да.

Минуту спустя она коснулась плеча Эди:

— Тебе придется повернуться на спину, чтобы я могла положить компресс.

Эди немедленно послушалась.

— Вчера вечером ты тоже восхитительно выглядела, Лила.